

ных процессах, социокультурном развитии, повседневности. Материал «Записок старика» может быть использован как в локально- и микроисторических исследованиях, так и в обобщающих работах по истории Беларуси.

1. Горнак, В.В. Витеблянин М. Маркс и его «Записки старика» // В.В. Горнак // Белорусское Поозерье: язык и духовная культура / под ред. А.М. Мезенко и А.В. Русецкого. – Минск: Беларус. наука, 2001. – С. 152–164.
2. Грыцкевіч, В. Урач Карл Гібенталь / В. Грыцкевіч // Віцебскі сшытак. – Віцебск, 1997. – № 3. – С. 3–16.
3. Зайцаў, М. Гістарычныя замалёўкі вяцябчаніна / М. Зайцаў, С. Шчарбакоў // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – 1984. – № 3. – С. 31–32.
4. Источниковедение: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева, О.И. Хоруженко, Е.Н. Швейковская; отв. ред. М.Ф. Румянцева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 685 с.
5. Кісялёў, Г. Маркс Максімілян Восіпавіч / Г. Кісялёў // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Т. 5. М – Пуд / Беларус. Энцыкл., рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. – Мінск: БелЭн, 1999. – С. 77.
6. Маркс, М. Записки старика / М. Маркс / текст к печати подготовила И. Абрамова // Віцебскі сшытак – Віцебск, 1995. – № 1. – С. 74–77.
7. Маркс, М. Записки старика / М. Маркс / текст к печати подготовила И. Абрамова // Віцебскі сшытак – Віцебск, 1996. – № 2. – С. 87–102.
8. Маркс, М. Записки старика / М. Маркс / текст к печати подготовила И. Абрамова // Віцебскі сшытак – Віцебск, 1997. – № 3. – С. 137–147.
9. Маркс, Максимилиан Осипович // Деятели революционного движения в России: био-библиографический словарь. – Т. 1. От предшественников декабристов до конца «Народной воли». – Ч. 2. Шестидесятые годы / сост. А. А. Шилов, М. Г. Карнаухова. – М.: [Б.и.], 1928. – Стб. 236–237.
10. Півавар, М. В. Маркс Максімілян Восіпавіч / М. В. Півавар // Даследчыкі Полацка-Віцебскай даўніны XVI ст. – 1944 г.: даведнік / М. В. Півавар. – Віцебск: Віцеб. абл. друк., 2006. – С. 82–83.

Луговцова С.Л. ВИТЕБСК И ЕГО ЖИТЕЛИ В ПУТЕВЫХ ЗАМЕТКАХ Ф.В. БУЛГАРИНА

На рубеже XX–XXI вв. в литературоведении и историографии произошел всплеск интереса к неординарной личности Ф.В. Булгарина (1789–1859) – острого публициста, успешного издателя и многопланового литератора [1; 2; 5; 7; 8]. Булгарин раскрылся в качестве автора авантюрного и исторического романа, смелого мемуариста, яркого писателя-фантаста. Фаддей Венедиктович предсказал, в частности, появление подводных лодок, парашюта, воздушных десантников, пассажирского авиасообщения, зенитных ракет, домов из стекла, множительной техники [3]. Интерес исследователей к личности и деятельности Ф.В. Булгарина определил появление специального термина «булгариноведение» [9]. А личность эта была весьма незаурядной. Булгарин был талантлив, смел, независим, но при этом резок и самолюбив. Он обладал прекрасным навыком подстраиваться под обстоятельства и одновременно подстраивать их под себя. Несомненный успех редактора «Северной пчелы» сочетался со скандальной славой доносчика III-го Отделения. Своей жизнью Фаддей Венедиктович дал высокий образец мужской дружбы, сохранив преданность товарищу даже после его смерти. На протяжении десятков (!) лет Булгарин столь часто цитировал «Горе от ума» А.С. Грибоедова, что буквально «заставил» публику полюбить автора пьесы, исключив саму возможность существования в российском обществе образованного человека без знания грибоедовских строк. Вместе с тем, Булгарин нажил такое количество врагов, что по этому «показателю», возможно, лидировал среди современников. Его любили и ненавидели, ценили и презирали. Им откровенно брезговали. При жизни, да и после смерти, Фаддей Венедиктович вызывал самые противоречивые эмоции, никого не оставляя равнодушным. Тем интереснее анализировать суждения, высказанные им в «Путевых заметках на поездке из Дерпта в Белоруссию и обратно весной 1835 года» [4]. По дороге из Дерпта в Мстиславль автор заметок последовательно описывает Верро, крепость Нейгаузен, Печоры, Изборск, Псков, Остров, Люцин, Себеж, Полоцк, Витебск, Бабиновичи, Оршу, Шклов, Могилев, Чериков, Чаусы, Климовичи, Костюковичи, Кричев и Мстиславль.

Прежде всего, Ф.В. Булгарин очерчивает территорию, которая по его мнению является Беларусью: «Между Курляндией, Лифляндией, губерниями Псковской, Смоленской, Орловской, Черниговской и Минской лежит страна, называемая издавеле у русских *Белою Россиею* (здесь и далее выделение Булгарина – С.Л.), или Белоруссиею, а у поляков *Русью*» [4, с. 193]. Таким образом, к «Белоруссии» автор относит только Витебскую и Могилевскую губернии, четко фиксируя представления своего времени.

По мнению, Ф.В. Булгарина Витебская губерния «есть бедная красавица», на её территории «природа рассыпала более *приятного*, нежели *полезного*» [4, с. 194]. На фоне роскошной при-

роды автор обнаруживает «какие-то *черные пятна*». Так он называет еврейские местечки. В своих путевых заметках, Булгарин негативно высказывается относительно еврейского населения Витебской и Могилевской губерний. Грязь, обман, нахальство, отсутствие уважения к законам — отличительные черты евреев, по его мнению. Автор одобряет мероприятия российского правительства по установлению черты оседлости [4, с. 195].

На фоне многочисленных «черных пятен» в заметках Булгарина «светлеют два прекрасных города: Витебск и Могилев» [с. 195], причем первому он отдает предпочтение. В Витебске Ф.В. Булгарину понравилось буквально всё: живописность города, его чистота и опрятность, рынок и лавки, архитектура костелов, главная улица, застроенная каменными зданиями, и даже улицы боковые, застроенные красивыми деревянными домиками [4, с. 205–206]. Перед нами просто рекламный буклет для путешественника: «В Витебске жить недорого, по крайней мере, сколько я могу судить по трактирной жизни. Трактиров здесь два, они содержатся опрятно. Кушанье хорошее и чрезвычайно дешевое. В Петербурге нет такого ситного хлеба, как здесь: он бел, как пшеничный. Пиво превосходное, мясо и зелень дешевы и хороши — чего же более! В ученом и просвещенном Дерпте хлеб почти всегда невыпеченный и грязный, а пиво тогда только хорошо, когда удастся» [4, с. 209].

Похвалы эти весомы, так как Булгарин критик строгий и острый на язык. По его мнению, вид Орши «пустынный и печальный» [4, с. 211]. Чериков и Чаусы «грязнее жидовской чернильницы и разбросаны архитектором, как будто здесь был ураган южных морей» [4, с. 218]. Климовичи «*последний* город в мире» [Там же]. Наконец, покидая Полоцк, автор восклицает: «Прощай Полоцк, и, ради Бога, не развались, пока я выеду за ворота!» [4, с. 205]. Уезжая же из Витебска, Булгарин грустит и сожалеет, что не может задержаться [с. 4, 210].

Не только живописность и благоустройство привлекли Булгарина в Витебске, самое большое впечатление на него произвело местное общество, где автор «*отвел* душу» [4, с. 210]. Он с удовольствием вспоминает радушие и гостеприимство жителей города. Подчеркивает, что даже высокопоставленные губернские чиновники отнеслись к нему «необыкновенно вежливо». Обращает внимание, что русский язык распространен в местном обществе и все дамы прекрасно говорят по-русски, притом, что в Литве «ещё много не знающих вовсе русского языка» [4, с. 210]. Ф.В. Булгарин считает, что в целом тон витебского высшего общества отличается «истинным патриотизмом, любовью ко всему русскому». В качестве основной причины «благородного исправления умов» литератор прямо указывает на собственную персону, имея в виду пропаганду идей «православия, самодержавия, народности» на страницах издаваемых им периодических изданий.

Высказывания Ф.В. Булгарина следует рассматривать сквозь призму восстания 1830–1831 гг., после подавления которого «поляк» Булгарин вынужден был постоянно демонстрировать лояльность российской власти и открепиваться от идеи восстановления независимости Польши, которую в юности разделял. Автор на каждом шагу подчеркивает преимущества российского правления для Витебска. Если он хвалит рынок, то подчеркивает, что к нему ведет каменный мост, построенный губернатором П.И. Сумароковым (1808–1812). Если витебское пиво оказалось вкуснее дерптского, то причина — мудрое законодательство Екатерины II в области городского управления. Напротив, жители Дерпта вынуждены были пить «кислую бурду» и приобретать другую некачественную продукцию, так как в городе были сохранены прежние городские привилегии. Наказать цехового ремесленника за продукт низкого качества можно было только по суду, что подразумевало серьезные финансовые издержки [4, с. 209].

Необходимость просвещения российского общества, повышения уровня образованности его членов — предмет неустанной заботы Ф.В. Булгарина. Однако ситуация в области образования в Витебске на основании его же данных выглядела плачевно. Если в конце XVII в. в иезуитском и пиарском училищах города обучалось до 500 юношей, то в 1835 г. в одном духовном и трех светских училищах было 288 учащихся (шесть из них девушки) [4, с. 207]. Тем не менее, Булгарин оценивал сложившуюся ситуацию с оптимизмом. Он был уверен, что через несколько лет «гимназии будут полны», а статистику 1835 г. объяснял трудностями перехода от старого к новому [Там же]. Поясним, что имел в виду автор.

В 1824 г. Витебская губерния была причислена к Санкт-Петербургскому учебному округу, где она занимала второе место после Петербургской по количеству учебных заведений, 1 учащийся приходился на 448 жителей губернии. Для сравнения, в Могилевской губернии 1 учащийся приходился на 1115 человек [6, с. 37–39]. В 1826 г. руководство округа направило О.И. Сенковского с ревизией в белорусские учебные заведения. В ходе проверки были выявле-

ны серьезные проблемы с изучением русского языка. По свидетельству Сенковского, «дух вольнодумства и ненависти ко всему русскому» господствовал среди учащихся. Показательно, что 6 учебных заведений Витебской губернии, содержащиеся римско-католическими орденами, отказались подвергаться проверке [6, с. 42–43]. По результатам ревизии в 1829 г. было принято решение о создании Белорусского учебного округа в составе Витебской и Могилевской губерний. Попечителем округа был назначен Г.И. Карташевский. Местом его пребывания определен Витебск [6, с. 58]. После восстания 1830–1831 гг. правительство пошло на радикальные меры. В 1832 г. были упразднены 9 учебных заведений, находившихся при католических и униатских монастырях на территории Витебской, Могилевской и Минской губерний [6, с. 81]. В 1835 г. принято решение о запрещении преподавания польского языка в учебных заведениях округа. Таким образом, к 1835 г. старая система образования, существовавшая на территории Беларуси, была разрушена, а новая ещё не успела сложиться.

Самым приятным для Булгарина в Витебске оказалась встреча с заинтересованными читателями. «Берегитесь, гг. русские писатели! Нас читают и нас судят в провинции едва ли не строже, чем в столицах», – утверждает автор заметок [4, с. 210]. Он подчеркивает, что если в столицах автора судят по его положению в свете и, как правило, выдают чужие мнения за собственные, то в Витебске принято высказывать суждения, не иначе, как прочитав книгу [4, с. 210]. Несомненно, возмущенное отношение Булгарина к городу связано и с тем, что среди его жителей он встретил почитателей собственного таланта. Насколько его растрогал сей факт, настолько же огорчили сведения, что учителя могилевской гимназии читали издания его конкурента и критика Н.И. Надеждина «Телескоп» и «Молву». Содержание этих двух журналов Булгарин называет «бранью, неуместными выходками, насмешками, грубостями» и «душевно сожалеет» о том, какое мнение о русской литературе может составить юношество на основании такого рода изданий [4, с. 218].

Таким образом, по дороге из Дерпта в Мстиславль Ф.В. Булгарин посетил 20 населенных пунктов и преодолел достаточно препятствий в виде хамства почтовых служащих, плохого состояния дорог и трактиров. Например, в лучшем псковском трактире комнаты были невыносимо грязны, окна и двери трещали, а постель привела путешественника в ужас [4, с. 189]. На обширном пространстве, где, по мнению автора, «врожденные славянские авось и как-нибудь слились с коренной еврейской ленью и врожденной неопрятностью», он нашел вожделенный оазис [4, с. 171]. Витебск оказался не просто живописным и благоустроенным городом, в нем автор надышался атмосферой образованности и приветливости. А, главное, убедился в востребованности собственных произведений, их влиянии на умы современников. Такого итога можно лишь пожелать каждому путешественнику, идущему по дороге жизни.

1. Алтунян, А.Г. «Политические мнения» Фаддея Булгарина / А.Г. Алтунян. – М. : Изд-во УРАО, 1998. – 206 с.
2. Акимова, Н.Н. Ф.В. Булгарин: литературная репутация и культурный миф / Н.Н. Акимова. – Хабаровск: ХТПУ, 2002. – 182 с.
3. Булгарин, Ф.В. Правдоподобные небылицы, или Странствование по свету в ХХІХ веке (1824) / Ф.В. Булгарин. – Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/189159/read> – Дата доступа: 09. 02.2017.
4. Булгарын Ф. Путевые заметки на поездке из Дерпта в Белоруссию и обратно весною 1835 года // Выбранае / Фадзей Булгарын; Уклад, прадм., камент. А. Фядуты. – Мн. : Беларускі кнігазбор, 2003. – С. 171–223.
5. Глушковский, П.Ф. Булгарин: эволюция идеологических и политических воззрений. Первая половина XIX в. / П.Ф. Глушковский. – СПб. : Алетей, 2013. – 232 с.
6. Игнатовец, Л.М. Белорусский учебный округ: создание и деятельность (1829–1850 гг): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Л. М. Игнатовец. – Минск, 2013. – 173 с.
7. Рейтблат, А.И. Фаддей Венедиктович булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: Статьи и материалы / А.И. Рейтблат. – М. : НЛЮ, 2016. – 632 с.
8. Федута, А.И. Перамога і параза здаровага сэнсу, або Вяртанне Булгарына / Булгарын Ф. Выбранае / Фадзей Булгарын; Уклад, прадм., камент. А. Фядуты. – Мн. : Беларускі кнігазбор, 2003. – С. 5–42.
9. Шишкова, Т. О Булгарине старом и новом: основные тенденции современного булгариноведения / Т. Шишкова // Новое литературное обозрение. 2007. – N 6. – С. 344–362.

Майорова А.С.

ДУХОВНОЕ УЧИЛИЩЕ В УЕЗДНОМ ГОРОДЕ ПЕТРОВСКЕ В 1830-е ГОДЫ: ПО ВОСПОМИНАНИЯМ СОВРЕМЕННОКА

Особенности развития народного образования в дореформенной России в последнее время вызывают интерес у историков, которые изучают региональный аспект данной проблемы. Л.М. Артамонова, посвятившая специальную монографию проблемам просвещения в юго-восточных губерниях Европейской России в XVIII – начале XIX в. [1], в своей недавней статье